Дм. Кленовский

Теплый вечер

1975

Теплый вечер

СБОРНИКИ СТИХОВ ТОГО ЖЕ АВТОРА

След жизни	1950 г.
Навстречу небу	1952 г.
Неуловимый спутник	1956 г.
Прикосновение	1959 г.
Уходящие паруса	1962 г.
Разрозненная тайна	1965 г.
Стихи (избранное из шести книг и новые стихи)	1967 г.
Певучая ноша	1969 г.
Почерком поэта	1971 г.

Дм. Кленовский

Теплый вечер

1975

Herausgeber: D. Klenowsky. Deutschland.

Выписывать книгу можно через Buchvertrieb A. Neimanis, 8 München 40, Bauerstrasse 28.

Druck: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

МОЕЙ ЖЕНЕ

Ты скажешь: нет? Но то одно,
Что ты чего-то ждешь и ищешь —
Не доказательство ль оно,
Что может что-то быть дано,
Пускай как милостыня нищим?

Ведь там не просишь, где ничем
Никто помочь тебе не в силах!
Ты перед камнем будешь нем
И ты не станешь — о зачем! —
Просить о жизни у могилы!

И если шепчешь ты слова
И замираешь от волненья —
То значит есть она, жива
Связь неземного естества
С земным своим отображеньем!

1973

ВЕРА

Настолько всё противоречит ей,
Что рассуждать о ней не сто́ит даже!
Как сможешь объяснить ее точней,
Как выразишь ее и чем докажешь?

И всё-таки она в тебе жива
Как некое непонятое чудо,
Как сквозь асфальт проросшая трава —
Из ничего, неведомо откуда.

Владей же ею молча, не назвав,
Поняв, что не о всём поведать можно,
Но почему-то чувствуя, что прав
Недоказуемо и непреложно.

1972

Мы потеряли музыку косы,
Вздох паровоза, благовест копыта,
Застенчивость девической косы,
Уют свечи, податливость корыта.

Быть может мы когда-нибудь вздохнем
И с грустью вспомним о колосьях в поле,
О розах, скрипках, рифмах — об всём,
Чего тогда не будет тоже боле?

Всё это будет тем заменено,
О чем сегодня и гадать не стоит!
Где та вершина, где такое дно,
Что наше нетерпенье успокоит?

1972

Быть может счастье быть любимым
Лишь слабый отголосок тех
Далеких и неповторимых,
Еще дожизненных утех,
Когда на узкой кромке рая,
На том последнем рубеже
Мы были счастливы, не зная,
Что мы обречены уже,
Что наше ясное блаженство
Переродится навсегда
В такое вот несовершенство
Сомнений, боли и стыда.

1971

Ветка вздрогнула: улетела
Птица, та, что на ней сидела.
Легче воздуха птичье тельце!
Где же ветке узнать пришельца,
Не увидев и не услышав?
Чует только, что это — свыше,
Из пространств, что над нею где-то
Дышат, веют теплом и светом,
Что и редко и на мгновенье
Шлют свое ей прикосновенье,
Оставляя в ее незнаньи
Удивленье и ожиданье.

1973

ПРОСЬБА

Научи меня умереть!
Научи меня в смерть глядеть
Как в оконное то стекло,
За которым еще светло,
За которым река и лес,
Никаких, никаких чудес —
Просто листья, стволы, вода
И тропинка. Бог весть куда.

1972

Мой Ангел! Если «там» прозреть нам не дано —
Зачем об этом мне ты не сказал давно,
Чтоб я сердца людей надеждой не тревожил
И просто, без стихов мой век ненужный прожил?
Ты знаешь, как всегда я вслушиваюсь в тишь
И вглядываюсь в мрак — и все-таки молчишь!
О неужели я совсем напрасно трачу
Всю жизнь мою (всю жизнь!) на эту неудачу?
Но может быть твое молчанье — это знак,
Что о нездешнем «здесь» не рассказать никак,
Что мы лицом к лицу с непостижимой бездной,
Что вопрошать ее и слушать — бесполезно
И от меня ты так в себе замкнулся весь
Не потому, что нет, а потому, что есть!

1974

Мы стоим перед загадкой:
Что свершится с нами «там»?
Горько будет или сладко
После нашей смерти нам?

Может попросту не будет
После смерти ничего
И напрасно снится людям
Неземное торжество!

Только верно ли гадаем
И печалимся притом?
Разве гусеница знает,
Что очнется мотыльком?

Но, преградам непокорна,
Сквозь безмолвие и тьму
Пробивается упорно
К совершенству своему.

1973

Если в пятом часу утра,
Когда спать всем давно пора,
Свет в чужом окне пробивается —
Значит там не то, что у всех,
Значит слезы там или смех,
Иль страдают иль наслаждаются.

Скажешь только: что мне до них,
До объятий и бед чужих!
И уйдешь своею дорогою
Неприкаянным недотрогою.

А ведь может быть суждено
И тебе такое окно,
Да к тому же (ведь всё случается!)
То как раз, за которым маются.

1973

В смерти страшен переход
        В неизвестность.
Как понять нам наперед
        Эту местность?

Как туда перешагнуть,
        Всё нарушив?
Как туда нащупать путь
        Не по суше?

Может там и речка есть?
        Ну наверно
Не такая же как здесь,
        Но примерно?

Может шелест есть и дрожь
        Рощи вешней?
Не такой, как здесь, но всё ж
        Вроде здешней?

Приспособлюсь к тем местам
(И к немилым!),
Лишь бы что-то было там,
Что-то было б!

А иначе, коль того
Не случится,
Лучше с этим Ничего
Примириться!

И оставив навсегда
Все догадки —
Просто броситься туда
Без оглядки.

Словно ночью в черный пруд
С мыслью жалкой:
Может всё-таки живут
Там русалки?

1974

На определенной высоте
Всё кругом безоблачно и ясно.
Кто летал на самолете, те
Знают эту истину прекрасно.

Вероятно есть и у души
Чистые, лазурные просторы,
Только, как ни бейся, ни спеши,
Не найдешь их ни легко, ни скоро.

И душа, теряясь в облаках,
Перед высотою неподкупной
Знает лишь сомнения и страх
И решает: это недоступно!

Знаешь что: не бойся отлететь,
Не пугайся головокруженья!
Умереть . . . Что значит: умереть?
Может быть: найти, узнать, узреть,
Высоты почуять приближенье?

1972

О многом мы не просим. Мы
Привыкли к нищете.
Мы жжем костры среди зимы,
Огарки — в темноте.

И в час, когда и мы уйдем
Неслышно на покой —
Мы только жердочки найдем
Над страшной пустотой.

Татьянинские! Пусть в беде
Нам некому помочь!
Ни ангелов, ни медведей!
Мороз. Сугробы. Ночь.

Пусть не отважусь я никак
По жердочкам таким
Уйти сквозь пустоту и мрак
Не к мертвым, а к живым,

Но эти жердочки собой
И мне подарят весть,
Что путь на берег, на другой,
Непостижим, но есть!

1974

Их у нас на полях не стало
И с других, чужих берегов
Станут нас приглашать пожалуй
На цветение васильков!

Что ж: прельстись любезной рекламой,
Путешествие соверши!
Любоваться сможешь часами
Васильковой полоской ржи!

Только будут ли встречи эти
Так нужны и желанны нам?
Ведь всё меньше людей на свете,
Что скучают по василькам!

А недавно еще их рвали,
Чтобы ржи не помять, тайком
И Василия называли
Наши девушки Васильком!

По меже, по цветущей, летом
Не пройти уже никогда!
То, чему повторенья нету,
Ни по облику, ни по цвету,
Потеряли мы навсегда!

1974

Когда они вконец восхищены,
У немцев есть нежданное сравненье
(И все поэты знать о нем должны!):
«Скажи, ну разве не стихотворенье?»

Так величают шляпку и вино,
Жаркое и цветок. Сравненье это
Меня, поэта, радует давно
Своим признаньем ценности поэта.

Когда забудут о моих стихах
И на немецком кладбище, под ивой,
Лежать я буду — у меня в ногах
Цветок быть может расцветет красивый.

И девушка, с возлюбленным вдвоем
По кладбищу гуляя в воскресенье,
Почтит его на языке своем:
«Скажи, ну разве не стихотворенье?»

1972

Конечно мы в плену земли,
Но всё же, словно в утешенье,
Давайте строить корабли —
Сперва для кораблекрушенья!

А после будет нам дано
Быть может радостное право
Преодолеть простор и дно
Упрямый шквал и риф лукавый.

А если мы не доплывем —
Узнаем за свою дорогу
То, для чего мы здесь живем:
Порыв, надежду и тревогу!

1971

Вдохновение! Недаром
Народилось это слово!
В нем оно нездешним даром
Утвердить себя готово,
Объяснить: ведь это кто-то,
Не отсюда, а оттуда,
Как подарок, как заботу
В нас вдохнул живое чудо:
Человеческие песни
Озаряющее слово,
Что осталось бы безвестным
Без вмешательства такого!

1974

О, только бы «оттуда»
Не заглянуть «сюда»!
Да не свершится чуда
Такого никогда!

Пусть лучше не узнаю
(Хотя к тому готов!),
Что больше не читает
Никто моих стихов.

Что, мненье изменивши,
Помалкивает вслед
Всегда меня хваливший
Литературовед.

Что кто-то, с музой очень
Поверхностно знаком,
Всё только прозу строчит
Моим карандашом.

Что сад давно срубили,
А нынче дом снесли,
Где мы с тобою жили
И счастье сберегли.

И даже ты, дотоле
Слезам теряя счет,
По мне не плачешь боле
Все ночи напролет.

О нет! Напрасно зренье
Мне будет «там» дано!
Что кроме огорченья
Мне принесет оно!

1974

Хотел бы я (и верится:
Когда-нибудь смогу!)
Стать апельсинным деревцем
На южном берегу.

И пусть один-единственный
Вспоённый мною плод
Доро́гою таинственной
В Россию попадет.

Там на бумажку-денежку,
Новинкой прельщена,
В простом платочке девушка
Купить его должна.

Как весело он чистится,
Как спел и сладок он!
Но вот и вечер близится,
А с ним — девичий сон.

И снится ночью де́вице
Заморская страна,
Где с апельсинным деревцем
Знакомится она.

И любо ей, что теплится
Лампадкой каждый плод,
Что деревце с ней шепчется
И песенку поёт:

«Узнай моя любимая,
Как больно мне подчас,
Что даль неодолимая
Разъединяет нас!

И как горжусь и радуюсь,
Что мной вспоённый стих
Нечаянной усладою
Коснулся губ твоих!»

1973

Человеческими словами
Разве нам рассказать о том,
Что когда-то свершилось с нами
И свершиться должно потом?

Несказанная тайна эта,
Весь ее семикрылый взлет
Иногда лишь в строках поэта
Смутным отзвуком оживет.

Но не всякий поверить сможет
Обещаньям его глухим.
Скажут: это догадки всё же,
Это собственно лишь стихи!

Редко-редко к желанной вести
Кто-то жадно душой прильнет.
Для него — одного на двести! —
О нездешнем поэт поёт!

1974

Есть свечи: не загораются
И сразу их не зажечь.
Такое порой случается
С иными из наших встреч.

На спичке дрожит и крадется
Настойчивый огонек,
Но что-то никак не ладится
И пальцы, глядишь, обжёг.

Зато не вдвойне ль мы счастливы
(С последнею в коробке́!),
Когда огонек опасливо
Проснется на фитильке!

1974

Вот я снова с богослуженья
Непрощенным домой шагаю.
Для чего мне Твое прощенье
Если сам себе не прощаю?

Злых поступков моих десятки
Я упрямо ношу с собою.
С ними я не играю в прятки,
Оправданьями — не укрою.

Пусть любил я светло и честно —
Всё же боль причинял любимым
И прощен ли я — неизвестно.
Может рана неисцелима?

Может статься за рану эту
Отомстили не мне, другому
И гуляет та месть по свету,
Приумножась, от дома к дому.

И когда меня что-то ранит —
Странно это, но мне отрадно!
Мне мерещится: грех мой ранний
Возвращается мне обратно!

Лишь когда и со мной свершится
Всё, чем я оскорбил другого —
Я прощенья смогу добиться
Окончательного, земного.

1974

У нас есть выраженье «на дворе»,
Когда мы рассуждаем о погоде.
Мол: «на дворе тепло» иль: «на дворе
Прохладно что-то» — так и в этом роде.

И если мой пример предельно прост —
Есть у меня сложнее на примете.
Вот, скажем, задал Пастернак вопрос:
Какое на дворе тысячелетье?

Однако к делу. Верно с давних пор
У нас сложилось это выраженье.
Ведь на Руси свой заповедный двор
Всегда имело каждое строенье.

Была конюшня там, курятник был,
Там пес скулил, скрипел колодец дряхлый,
Белье висело, рыжий кот бродил
И пирогом по воскресеньям пахло.

Домашний двор! Какая в нем была
Уютная, услужливая прелесть!
А если там еще сирень цвела!
А если там еще и птицам пелось!

И не спеша, не одеваясь, лишь
Шагнув за дверь, возможно людям было
Понять погоду: капает ли с крыш,
Прояснило иль снова заснежило?

Теперь? Теперь, с дворами распростясь,
Мы всё ж их поминаем мимоходом,
Когда невольно их приводим в связь
С плохою иль хорошею погодой.

Пожалуй мы надолго сохраним
Вот этот образ в нашей русской речи.
Мы за столетья так сроднились с ним!
И пусть он, нашей верностью храним,
И дальше логике противоречит!

1973

Горький миндаль цветет
Так же свежо как сладкий.
Горек ли будет плод,
Сладок ли — вот загадка!

Так и любовь в цвету
Тайной всегда овита:
Можно ль предвидеть ту
Горечь, что в ней сокрыта?

Вспомни, когда глотнешь
Первого огорченья,
Вспомни тогда, что всё ж
Было сперва цветенье!

1972

Из двенадцати роз букета
Почему-то не расцвела
И завяла одна, вот эта,
А такой же, как все, была.

Знаешь: надо ее оставить,
Чтоб еще о ней потужить,
Чтоб напомнила, что нельзя ведь
Так, как хочешь, цвести и жить.

Может где, еще незаметней,
Смерть к кому-нибудь подошла?
Может где, семнадцатилетней,
Нынче девушка умерла?

1973

Хорошо наверно писать
Было Пушкину «Сон Татьяны»!
Фантазировать, подбирать
Персонажей, таких нежданных!

Ну кого бы на помощь ей
Отрядить из лесных соседей?
Нет, не лешего, не чертей
И не Бабу-Ягу . . . — медведя!

И явился любезный зверь,
Нам на радость, себе во славу,
И залег навсегда теперь
Он в онегинскую оправу.

Ну а жердочки гиблых две,
Над потоком склеёны льдиной —
Не сломать их ничьей ноге,
Не сгубить никакой пучине!

А ночной в шалаше кутеж
Сатанинской проворной своры
И в руке Онегина — нож!
Быть несчастью здесь! Быть! И скоро!

Оплывала быстрей свеча
В эту ночь тишины и бденья —
Так была та ночь горяча
Жадным пушкинским вдохновеньем!

1974

Да, ты уйдешь, но ты оставишь
Всё то, что подарила ты,
Как пианист дыханье клавиш
Средь наступившей немоты.

И будет петь в воспоминаньи
Тот смутный, мнилось мне, мотив,
Что лишь теперь, среди молчанья,
Стал подлинно красноречив.

1971

Помнишь: встречу наших двух дорог
Я от перекрестка уберег
И для нас они слились в одну.
У дорог не надо быть в плену!
Их порою можно одолеть,
Надо только очень захотеть,
Не остановиться, не свернуть —
И дорога превратится в путь!

1972

«Т Ы !»

Как цветок — из сброшенного платья,
Из подарка первой наготы,
Из прикосновенья, из объятья —
Расцветает радостное «ты!»

Нет другого языка на свете,
Чтобы так и нежен был и строг:
Говорят на нем с тобою дети,
Говорит на нем с тобою Бог.

Радуйся, что стал теперь возможен
Светлый Праздник на пути твоем,
Что любимая отныне тоже
Будет говорить с тобой на нем!

1971

Я оборачивался без конца
Чтоб унести с собою — и навеки! —
Черты венецианского дворца,
Мозаику Равенны, Ponte Vecchio . . .

Не удивляйся, друг, когда порой
С тебя подолгу не спускаю взгляда!
Я унести хочу тебя с собой!
Ведь вот и нам расстаться тоже надо!

1974

Всё обогнало цель свою,
Всё процвело и облетело,
Но жадно в памяти храню
Твое прижавшееся тело.

От губ и до колен оно
Запечатлелось в жаркой глине
Воспоминанья моего
И никогда в нем не остынет.

Оно всё ближе, всё точней,
Хранимо от других настолько,
Что слепок близости твоей
Одна разбить ты можешь только.

1971

Твоя душа твоим владеет телом:
Она ко мне его навстречу шлет,
Приказывает быть нагим и смелым
И все грехи прощает наперед.

И если в теле вижу перемену
(Всё меньше ласк, порыва и тепла) —
То знаю я: твоей души измена
Уже ко мне вплотную подошла.

Как день за днем скудеющий источник
Являет спад своих глубинных вод —
Так наше тело, ветреный сообщник,
Своей души все тайны выдает!

1972

Уже быстрей смеркалось,
Уже, то здесь, то там,
Березка раздевалась
И зябла по ночам.

Уже опенок стая
Теснилась на пеньке,
Уже была до мая
Купальня на замке.

А до́ма, где терпенью
Учил осенний лад,
Брусничного варенья
Струился аромат.

Но странно: почему-то,
Хоть он и был мне мил,
Российского уюта
Тогда я не ценил.

Из всех моих наследий
Чужие взяв года,
Италией я бредил
Мучительно тогда.

Так повелось, признаться,
У нас, у россиян:
Издалека влюбляться
В черты латинских стран!

И мне приснилось, будто
В другом столетьи мы.
Кругом синеют смутно
Тосканские холмы́.

Вхожу, подругой встречен,
В мой флорентийский дом,
Где ласточки щебечут
Под крышей, за окном.

Где гордое обличье
Сменив на сарафан,
Взобралась Беатриче
С ногами на диван.

И пусть из кватроченто,
Но раз оно во сне —
По-русски без акцента
Стихи читает мне.

1974

Когда приходит день осенний
Приходит с ним и мысль тогда:
До первой бы дожить сирени.
До первого б дожить дрозда!

Глядишь — и дожил! Но ревниво
Опять томят тебя мечты
И первым яблоком иль сливой
Полакомиться хочешь ты.

Полакомился! Вновь осенний
Приходит день и вновь тогда:
До первой бы дожить сирени,
До первого б дожить дрозда!

1971

В дни юности я над романами
Нередко плакал и в кино
И рад, хотя и жил обманами,
Что это было мне дано.

Я так и не сумел исправиться,
Мне и теперь еще порой
Без дрожи в голосе не справиться
С иной онегинской строфой.

И хорошо, что не растрачено
Доверье тех далеких дней,
Что не совсем еще утрачена
Наивность юности моей!

1972

Я знаю смех твой, слезы тоже
И, странно, мне милей они,
Хоть ты тогда не так пригожа
И ранней осени сродни.

Они нежданны, непривычны
И потому так хороши,
Что в них беспомощность, обычно
Настороженившейся, души.

Ничем не скрыта, не хранима
Она встает передо мной,
Тем благодарнее любимой
И тем отчетливей родной.

1973

Когда седеют васильки
И осыпаются пионы —
Еще как будто далеки
Осенней скудости законы!

Цветы другие будут цвесть
И тоже будут совершенны,
Но в каждом умираньи — весть
О равнодушии вселенной.

Не так ли и в любви твоей
Еще не облетевшей, даже
Не поседевшей — есть и в ней
Предвестье будущей пропажи.

1974

Подари себя любимой
Не в обертке золотой
Лентой с бантиком хранимой
И с цветком на ленте той!

Пусть она узнает точно,
Чтó не так в твоей судьбе,
Чтó неладно, чтó непрочно
Чтó неправильно в тебе!

Пусть сперва стучаться будет
К ней не радость, а беда!
Если всё-таки полюбит —
Не разлюбит никогда!

1971

По улицам и переулкам
Счастливой юности моей
Хожу всё чаще на прогулки
И с каждым днем они длинней.

Они всегда меня приводят
К моим любимейшим местам
И то прекрасное находят,
Что второпях оставил там.

Порою просто мелочь, просто
Какой-то цоколь и карниз,
Иль овцы на холмах Аосты
А с Villa d'Este кипарис.

И акведук в полях Кампаньи,
Ступенька пармского дворца —
Вдруг оживут в воспоминаньи
Яснее милого лица!

1974

Когда твои глаза сияли
И руки обвивали шею —
С тобою мы не распознали,
Что́ в нашей кроется затее.

Была ли это лишь забава,
Порыв случайного влеченья,
Иль мы уже имели право
На долгое прикосновенье?

Не всё ль равно, чем встреча эта
Обоих нас заворожила,
Когда вся жизнь своим ответом
Нам это право присудила!

1974

Есть радости, что не вернутся боле:
Флоренция, влюбленность, юность, ты . . .
Они еще томят, еще неволят,
Но всё бледнее милые черты.

О, только бы мне с ними не расстаться,
О, только бы еще хоть иногда
С тобою мне на Арно повстречаться,
Иль нет: у царскосельского пруда!

А почему не взять мне всё с собою,
Не сохранить и «там»? Ведь всё равно
Оно живет и дышет лишь со мною
И без меня здесь ни к чему оно!

1971

Листок, что с ним дружил всё лето,
Покинув только в сентябре,
Оставил светлую замету
На ярко-красной кожуре.

То, что сначала было тенью,
Теперь сиянием на ней!
Пускай игра воображенья,
Но это яблоко — вкусней!

А почему б и нет? Быть может
Смягчила бережная тень
Всё, чем томит и чем тревожит
Тяжелый, знойный летний день?

И стал душистей отчего-то
Листком убереженный плод!
Ведь вот и нас порой забота
Для лучшей доли бережет.

1972

Если только девушка допустит
Первое к себе прикосновенье —
Что реке, приговоренной к устью,
Нет ей ни возврата, ни спасенья.

Побежит всё легче, всё смелее
К дальнему, неведомому морю,
Ни себя, ни встречных не жалея,
Расточая радости и горе.

Чтобы после, медленной, усталой,
Добрести до тихого залива,
Из всего, что так ее прельщало,
Сохранив одну лишь ветку ивы.

Ту, что ей на память подарило
Деревце когда-то, под которым
Жизнь ее впервые напоила
Поцелуем влажным и нескорым.

1971

Живите, государи мои русские, в ладу со своей старой сказкой. Горе тому, у кого ее не будет под старость!

Лесков

Кто в детстве не был в царстве сказок,
Тот до своих последних дней
Благоразумием наказан
И в мире нет его скучней.

Глоток таинственного зелья,
Что был нам подлит в молоко,
Хранит от скуки и безделья
И с ним нам дышется легко.

И если в жизни невидимкой
Ты не таился никогда
И наугад лесной тропинкой
Не брел неведомо куда,

А по ночам о небывалом,
О невозможном не мечтал —
То это значит: слишком мало
Ты в детстве сказок услыхал!

1971

Мы сохраняем в памяти былых
Друзей, подруг, а иногда знакомых
Такими всех, какими знали их:
Непоседевших, стройных, невесомых.

И вот к тебе через полсотни лет,
Жестокой не поддавшись перемене,
Вернется вдруг Мариинский Балет
С Карсавиной на окрыленной сцене.

Иль девушка, что много лет назад
Так радостно близка была с тобою,
Повторит тот же помутневший взгляд
И так же мягко губы приоткроет.

Как важно кем-то для кого-то быть,
Стать в чьей-то жизни гостем, не прохожим!
Ты можешь этим образ свой продлить,
Пусть незаметно для себя, но всё же!

1974

Придется, видно, стать поэтом
Для лозунгов и для реклам!
Ведь ритм и рифма только в этом
И торжествуют! Только там!

А в тех стихах, что для печати,
Я находил уже не раз
От этих чистых двух понятий
Неубедительный отказ.

Но вряд ли верный наш читатель
Прельстится этой новизной,
Для Русской Музы столь некстати,
Столь оскорбительно чужой!

Пути к бессмысленной потере
Так соблазнительно легки,
Но всё же верю, крепко верю
В бессмертье девственной строки!

1971

Досадно мне, когда поэт снабжает
Свои стихи цепочкой точных дат:
Мол начал в январе, закончил в мае,
В таком-то городе, деревне, крае,
Такого-то числа.
Скажи, собрат,
Ужель ты так гордыней изувечен,
Что должен возвестить вселенной всей
О дне и месте неудачной встречи
С многоречивой музою своей?
Побольше скромности! Поменьше спеси!
И помни, что не годы, а века
Твои стихи неторопливо взвесят
И что еще не Пушкин ты пока!

1974

Еще не все иссякли ассонансы,
Не всем мазкам уже подведен счет
И если не симфонии — романсы
Еще напишет кто-то и споет.

И всё-таки оно на то похоже,
Что всё искусство мира в этот час,
Прощаясь с нами, топчется в прихожей
И постепенно покидает нас.

Возможны ль вновь высокие удачи:
Разящий жест, крылатый взлет плаща,
Те строки, над которыми заплачем,
Те звуки, что услышим трепеща?

Иль нам осталось только бормотанье,
Косноязычье боли и стыда,
И золотой подарок мирозданья
Истрачен нами весь и навсегда?

1971

Луна опять пасется, бродит
Овечкой около земли
И всё почти как прежде, вроде
Того, что не уберегли.

И от живого дерзновенья,
От окрыленного прыжка
У нас остались лишь каменья
Да пыль — и это всё пока.

Конечно будем вновь и снова
Тревожить лунный твердозём
И много разного другого
К себе оттуда привезем.

Но будет так же озаренно
И так же царственно она
Светить поэтам и влюбленным,
Невинна и обнажена.

И это самым главным будет
Из наших всех надлунных прав,
Тем, чем всегда пленялись люди,
На ней еще не побывав.

1972

ПОЭТ ЗАРУБЕЖЬЯ

Он живет не в России — это
Неизбывный его удел,
Но он русским живет поэтом
И другим бы — не захотел.

Пусть доходят всего лишь строчки
До запретной его страны —
Эти порванные листочки
И желанны там и нужны.

Их заучивают с опаской,
Переписывают тайком.
Их берут как ребенок сказку
В свой, замученный явью, дом.

Пусть сжигают в печи казенной
Неугодливые стихи,
Пусть свирепо и неуклонно
Обличаются их «грехи» —

Перебродит, перетомится,
Отстрадает моя страна
И обугленную страницу
Прочитает тогда сполна!

1973

Сегодня совсем спокойный
Пригожий осенний день
И листья легко и стройно
Слетают в сырую тень.

Нет, сравнивать я не буду
(То делали, и не раз),
Что с листьями схожи люди
В их смертный, последний час.

Но так бы хотелось всё же,
Для близких и для чужих,
Чтоб час этот был пригожим,
Спокойным, на тот похожим,
Что в первых строках моих.

1971

СЕБЕ

Не пиши последних строк
Предпоследним вечером!
Ведь уже на всё, что мог,
Здесь тобой отвечено!

Брось вопросы задавать —
Обо всем ведь спрошено!
Можно ль там цветок сорвать,
Где кругом всё скошено?

Просто тропкою иди,
Чужеземной, узкою,
Что быть может впереди
Всё ж сольется с русскою.

1971

Может жизнь меня не накажет,
Пощадит, хоть уже пора?
Может осенью, поздней даже,
Будут теплые вечера?

Может прежнею теплотою
Будет снова мой сад вспоён
И поднимется надо мною
В свежих листьях мой старый клен?

Может будет дано склониться
Над нежданной уже строкой
И смогу дописать страницу
Не озябшей еще рукой?

1974

СОДЕРЖАНИЕ